

Иван Тургенев

# Часы



# Иван Сергеевич Тургенев

## Часы

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=174078](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174078)*  
*И.С.Тургенев Записки охотника: Эксмо; Москва; 2006*  
*ISBN 5-699-15905-3*

### Аннотация

«Расскажу вам мою историю с часами...

Курьезная история!

Дело происходило в самом начале нынешнего столетия, в 1801 году. Мне только что пошел шестнадцатый год. Жил я в Рязани, в деревянном домике, недалеко от берега Оки – вместе с отцом, теткой и двоюродным братом. Мать свою я не помню: она скончалась года три после замужества; кроме меня, у отца моего детей не было. Звали его Порфирием Петровичем...»

# Содержание

I	4
II	7
III	9
IV	11
V	13
VI	18
VII	21
VIII	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

# Иван Сергеевич Тургенев

## Часы

*Рассказ старика 1850 г.*

### I

Расскажу вам мою историю с часами...

Курьезная история!

Дело происходило в самом начале нынешнего столетия, в 1801 году. Мне только что пошел шестнадцатый год. Жил я в Рязани, в деревянном домике, недалеко от берега Оки – вместе с отцом, теткой и двоюродным братом. Мать свою я не помню: она скончалась года три после замужества; кроме меня, у отца моего детей не было. Звали его Порфирием Петровичем. Человек он был смирный, собою неказистый, болезненный; занимался хождением по делам тяжёбным<sup>1</sup> и иным. В прежние времена подобных ему людей обзывали подьячими<sup>2</sup>, крючками, крапивным семенем; сам он величал се-

---

<sup>1</sup> *Хождение по делам тяжёбным* – адвокатская практика, ведение судебных дел, в старину называвшихся тяжбами.

<sup>2</sup> *Подьячий* – мелкий чиновник (в допетровской Руси подьячим назывался писец, помощник дьяка).

бя стряпчим<sup>3</sup>. Нашим домашним хозяйством заведовала его сестра, а моя тетка – старая, пятидесятилетняя дева; моему отцу тоже минул четвертый десяток. Большая она была богомолка – прямо сказать: ханжа; тараторка, всюду нос свой совала; да и сердце у ней было не то, что у отца, – недоброе. Жили мы – не бедно, а в обрез. Был у моего отца еще брат, Егор по имени; да того за какие-то якобы «возмутительные поступки и якобинский образ мыслей»<sup>4</sup> (так именно стояло в указе) сослали в Сибирь еще в 1797 году.

Егоров сын, Давыд, мой двоюродный брат, остался у моего отца на руках и проживал с нами. Он был старше меня одним только годом; но я преклонялся перед ним и повиновался ему, как будто он был совсем большой. Малый он был не глупый, с характером, из себя плечистый, плотный, лицо четырехугольное, весь в веснушках, волосы рыжие, глаза серые, небольшие, губы широкие, нос короткий, пальцы тоже короткие – крепыш, что называется, – и сила не по летам! Тетка терпеть его не могла; а отец – так даже боялся его... или, может быть, он перед ним себя виноватым чувствовал. Ходила молва, что, не проболтайся мой отец, не выдай своего брата, – Давыдова отца не сослали бы в Сибирь! Учились мы оба в гимназии, в одном классе, и оба порядочно; я даже

---

<sup>3</sup> *Стряпчий* – ходатай по делам, частный поверенный, адвокат.

<sup>4</sup> *Якобинский образ мыслей* – революционный образ мыслей (якобинцами во Франции в эпоху буржуазной революции 1789 года назывались наиболее решительные сторонники уничтожения власти короля и аристократии).

несколько получше Давыда... Память у меня была острее; но мальчики – дело известное! – *этим* превосходством не дорожат и не гордятся, и Давыд все-таки оставался моим вожаком.

## II

Зовут меня – вы знаете – Алексеем. Я родился 7-го, а именинник я 17-го марта. Мне, по старозаветному обычаю, дали имя одного из тех святых, праздник которых приходится на десятый день после рождения. Крестным отцом моим был некто Анастасий Анастасьевич Пучков, или, собственно: Настасей Настасейч; иначе никто его не величал. Сутяга<sup>5</sup> был он страшный, клязник, взяточник – дурной человек совсем; его из губернаторской канцелярии выгнали, и под судом он находился не раз; отцу он бывал нужен... Они вместе «промышляли». Из себя он был пухлый да круглый; а лицо как у лисицы, нос шилом; глаза карие, светлые, тоже как у лисицы. И всё он ими двигал, этими глазами, направо да налево, и носом тоже водил – словно воздух нюхал. Башмаки носил без каблуков и пудрился ежедневно, что в провинции тогда считалось большою редкостью. Он уверял, что без пудры ему быть нельзя, так как ему приходится знаться с генералами и с генеральшами.

И вот наступил мой именинный день! Приходит Настасей Настасейч к нам в дом и говорит:

– Ничем-то я доселева, крестничек, тебя не дарил; зато посмотри, каку штуку я тебе принес сегодня!

---

<sup>5</sup> Сутяга – человек, который ради наживы возбуждает вздорные судебные дела или тяжбы.

И достаёт он тут из кармана серебряные часы луковицей<sup>6</sup>, с написанным на циферблате розаном и с бронзовой цепочкой! Я так и сомлел от восторга, – а тетка, Пелагея Петровна, как закричит во все горло:

– Целуй руку, целуй руку, паршивый!

Я стал целовать у крестного отца руку, а тетка знай причитывает:

– Ах, батюшка, Настасей Настасеич, зачем вы его так ба-луете! Где ему с часами справиться? Уронит он их, наверное, разобьёт или сломает!

Вошел отец, посмотрел на часы, поблагодарил Настасеича – небрежно такó, да и позвал его к себе в кабинет. И слышу я, говорит отец, словно про себя:

– Коли ты, брат, *этим* думаешь отделаться...

Но я уже не мог устоять на месте, надел на себя часы и бросился стремглав показывать свой подарок Давыду.

---

<sup>6</sup> Часы луковицей – карманные старинные часы с выпуклым толстым стеклом, напоминающие своей формой луковицу.

### III

Давыд взял часы, раскрыл и внимательно рассмотрел их. У него большие были способности к механике; он любил возиться с железом, медью, со всякими металлами; он обзавелся разными инструментами, и поправить или даже заново сделать винт, ключ и т. п. – ему ничего не стоило.

Давыд повертел часы в руках и, пробурчав сквозь зубы (он вообще был неразговорчив):

– Старые... плохие... – прибавил: – Откуда?

Я ему сказал, что подарил мне их мой крестный.

Давыд вскинул на меня свои серые глазки:

– Настасей?

– Да, Настасей Настасеич.

Давыд положил часы на стол и отошел прочь молча.

– Они тебе не нравятся? – спросил я.

– Нет; не то... а я на твоём месте от Настасея никакого подарка бы не принял.

– Почему?

– Потому что человек он дрянь; а дряни-человеку одолжаться не следует. Ещё спасибо ему говори. Чай, руку у него поцеловал?

– Да, тетка заставила.

Давыд усмехнулся – как-то особенно, в нос. Такая у него была повадка. Громко он никогда не смеялся: он считал смех

признаком малодушия.

Слова Давыда, его безмолвная улыбка меня глубоко огорчили. Стало быть, подумал я, он меня внутренне порицает! Стало быть, я тоже дрянь в его глазах! Сам он никогда до этого бы не унизился, не принял бы подачки от Настасея! Но что мне теперь остается сделать?

Отдать часы назад? Невозможно!

Я попытался было заговорить с Давыдом, спросить его совета. Он мне ответил, что никому советов не дает и чтоб я поступил, как знаю. Как знаю?! Помнится, я всю ночь потом не спал: раздумье меня мучило. Жаль было лишиться часов – я их положил возле постели, на ночной столик; они так приятно и забавно постукивали... Но чувствовать, что Давыд меня презирает... (Да, нечего обманываться! он презирает меня!)... это мне казалось невыносимым! К утру во мне созрело решение... Я, правда, всплакнул – но и заснул зато, и как только проснулся – наскоро оделся и выбежал на улицу. Я решился отдать мои часы первому бедному, которого встречу.

## IV

Я не успел отбежать далеко от дому, как уже наткнулся на то, что искал. Мне попался мальчик лет десяти, босоногий оборвыш, который часто шлялся мимо наших окон. Я тотчас подскочил к нему и, не дав ни ему, ни себе времени опомниться, предложил ему мои часы.

Мальчик вытаращил глаза, одной рукой заслонил рот, как бы боясь обжечься, и протянул другую.

– Возьми, возьми, – пробормотал я, – они мои, я тебе дарю их – можешь продать их и купить себе... ну, там, что-нибудь нужное... Прощай!

Я всунул часы ему в руку – и во всю прыть пустился домой. Постоявши немного в нашей общей спальне за дверью и переведа дух, я приблизился к Давыду, который только что кончил свой туалет и причесывал себе волосы.

– Знаешь что, Давыд? – начал я как можно более спокойным голосом. – Я Настасевы часы-то отдал.

Давыд глянул на меня и провел щеткой по вискам.

– Да, – прибавил я все тем же деловым тоном, – я их отдал. Тут есть такой мальчик, очень бедный, нищий: так вот ему.

Давыд положил щетку на умывальный столик.

– Он может за деньги, которые выручит, – продолжал я, – приобрести какую-нибудь полезную вещь. Все-таки за них он что-нибудь получит.

Я умолк.

– Ну что ж! дело хорошее! – проговорил наконец Давыд и пошел в классную.

Я последовал за ним.

– А коли тебя спросят – куда ты их дел? – обратился он ко мне.

– Я скажу, что я их обронил, – отвечал я небрежно.

Больше о часах между нами в тот день уже не было речи; а все-таки мне сдавалось, что Давыд не только одобрял меня, но... до некоторой степени... даже удивлялся мне. Право!

## V

Прошло еще два дня. Случилось так, что никто у нас в доме часов не хватился. У отца вышла какая-то крупная неприятность с одним из его доверителей: ему было не до меня и не до моих часов. Зато я беспрестанно думал о них! Даже одобрение... предполагаемое одобрение Давыда меня не слишком утешало. Он же ничем особенно его не выказывал: всего только раз сказал – и то вскользь, – что не ждал от меня такой удали. Решительно: пожертвование мое приходилось мне в убыток, оно не уравновешивалось тем удовольствием, которое мое самолюбие мне доставляло.

А тут еще, как нарочно, подвернись другой знакомый нам гимназист, сын городского доктора – и начни хвастаться новыми, и не серебряными, а томпаковыми часами<sup>7</sup>, которые подарила ему его бабушка...

Я не вытерпел наконец – и, тихомолком выскользнув из дому, принялся отыскивать того самого нищего мальчика, которому я отдал свои часы.

Я скоро нашел его: он с другими мальчиками играл у церковной паперти в бабки. Я отозвал его в сторону и, задыхаясь и путаясь в речах, сказал ему, что мои родные гневаются на меня за то, что я отдал часы, и что если он согласится мне их

---

<sup>7</sup> *Томпаковые часы* – часы с крышкой из томпака, дешевого сплава меди и цинка.

возвратить, то я ему с охотой заплачу за них деньгами... Я, на всякий случай, взял с собою старинный, елизаветинский рубль<sup>8</sup>, весь мой наличный капитал.

– Да у меня их нету-ти, часов-то ваших, – отвечал мальчик сердитым и плаксивым голосом, – батька мой увидал их у меня да отнял; еще пороть меня собирался. «Ты их, говорит, должно, украл где-нибудь, – какой дурак тебя часами дарить станет?»»

– А кто твой отец?

– Мой отец? Трофимыч.

– Да кто он такой? Какое его занятие?

– Он – солдат отставной – сражант<sup>9</sup>. А занятия у него никакого нету. Старые башмаки чинит, подметки строчает. Вот и все его занятие. Тем и живет.

– Где ваша квартира? Сведи меня к нему.

– И то сведу. Вы ему скажите, батьке-то, что вы мне часы подарили. А то он меня все попрекает. Вор да вор! И мать туда же: в кого, мол, ты вором уродился?

Мы с мальчиком отправились на его квартиру. Она помещалась в курной избушке<sup>10</sup>, на заднем дворе давным-давно сгоревшей и не отстроеной фабрики. И Трофимыча и жену

---

<sup>8</sup> *Елизаветинский рубль* – старинный серебряный рубль, отчеканенный при императрице Елизавете Петровне (1741–1761).

<sup>9</sup> *Сражант* – то есть сержант.

<sup>10</sup> *Курная избушка* – изба, которая отапливалась по-черному, без трубы: дым из устья печи расходился по всей избе и выходил наружу через дверь или особое оконце.

его мы застали дома. Отставной «сражант» был высокого роста старик, жилистый и прямой, с желто-седыми бакенами, небритым подбородком и целой сетью морщин на щеках и на лбу. Жена его казалась старше его: красные ее глазки уныло моргали и ежились посреди болезненно-припухлого лица. На обоих висели какие-то темные лохмотья вместо одежды.

Я объяснил Трофимычу, в чем было дело и зачем я пришел. Он выслушал меня молча, ни разу не смигнув и не спуская с меня своего тупого и напряженного – прямо солдатского взгляда.

– Баловство! – промолвил он наконец хриплым, беззубым басом. – Разве так благородные господа поступают? А коли если Петька точно часы не украл – так за это ему – рраз! Не балуй с барчуками! А украл бы – так я б его не так! Рраз! рраз!! рраз!! Фуктелями, по-калегвардски!<sup>11</sup> чего смотреть-то? Что за притча? Ась?! Шпонтами<sup>12</sup> их! Вот так история?! Тьфу!

Это последнее восклицание Трофимыч произнес фальцетом<sup>13</sup>. Он, очевидно, недоумевал.

– Если вы хотите возвратить мне часы, – пояснил я ему... я не смел его «тыкать», даром, что он был простой солдат... –

---

<sup>11</sup> *Фуктель* (правильно: «фухтель») – удар по спине плашмя обнаженной саблей или шашкой; *по-калегвардски* (правильно: «по-кавалергардски») – по-гвардейски (*кавалергарды* – в царской армии тяжелая гвардейская кавалерия).

<sup>12</sup> *Шпонтон* (правильно: «эспонтон») – короткие пики, бывшие на вооружении в некоторых частях русской армии XVIII века.

<sup>13</sup> *Фальцет* – тонкий, визгливый голос.

то я вам с удовольствием заплачу... вот этот рубль. Больше они, я полагаю, не стоят.

– Ннну! – проворчал Трофимыч, не переставая недоумевать и по старой памяти поедая меня глазами, словно я был начальник какой. – Эко дело – а? Ну-кося, раскуси его!.. Ульяна, молчи! – окрысился он на жену, которая разинула было рот. – Вот часы, – прибавил он, раскрывая ящик стола, – коли они ваши точно – извольте получить; а рубль-то за что? Ась?

– Бери рубль, Трофимыч, беспутный, – завопила жена. – Из ума выжил, старый! Алтына<sup>14</sup> за душой нет, а туда же, важничает! Косу тебе напрасно только отрубили, а то – та же баба! Как так – ничего не знамши... Бери деньги, коли уж часы отдавать вздумал!

– Ульяна, молчи, паскудница! – повторил Трофимыч. – Где это видано – разговаривать? А? Муж – глава; а она – разговаривать? Петька, не шевелись, убью!.. Вот часы!

Трофимыч протянул ко мне часы, но не выпускал их из пальцев.

Он задумался, потупился, потом уставил на меня тот же пристально-тупой взор – да вдруг как гаркнет во всю глотку:

– А где ж он? Рубль-то где?

– Вот он, вот, – поспешно промолвил я и выхватил монету из кармана.

Но он ее не брал и все смотрел на меня. Я положил рубль

---

<sup>14</sup> *Алтын* – старинное название трехкопеечной монеты.

на стол. Он вдруг смахнул его в ящик, швырнул мне часы и, повернувшись налево кругом и сильно топнув ногою, прошипел на жену и на сына:

– Вон, сволочь!

Ульяна что-то залепетала – но я уже выскочил на двор, на улицу. Засунув часы в самую глубь кармана и крепко стискивая их рукою, я примчался домой.

## VI

Я снова вступил во владение часами, но удовольствия оно мне не доставило никакого. Носить я их не решался: нужно было пуще всего скрыть от Давыда то, что я сделал. Что бы он подумал обо мне, о моей бесхарактерности? Даже запечатать в ящик эти злополучные часы я не мог: у нас все ящики были общие. Приходилось прятать их то наверху шкапа, то под матрацем, то за печкой... И все-таки мне не удалось обмануть Давыда!

Однажды я, достав из-под половицы нашей комнаты часы, вздумал потереть их серебряную спинку старой замшевой перчаткой. Давыд ушел куда-то в город; я никак не ожидал, что он скоро вернется... вдруг он – шась в дверь!

Я до того смутился, что чуть не выронил часов, и, весь потерянный, с зардевшимся до боли лицом, принялся ерзать ими по жилету, никак не попадая в карман.

Давыд посмотрел на меня и, по своему обыкновению, улыбнулся молча.

– Чего ты? – промолвил он наконец. – Ты думаешь, я не знал, что часы опять у тебя? Я в первый же день, как ты их принес, увидел их.

– Уверяю тебя, – начал я чуть не со слезами.

Давыд пожал плечом:

– Часы твои; ты волен с ними делать, что хочешь.

Сказав эти жестокие слова, он вышел.

На меня нашло отчаяние. На этот раз уже не было никакого сомнения: Давид действительно презирал меня!

Этого нельзя было так оставить!

«Докажу ж я ему», – подумал я, стиснув зубы, и тотчас же, твердым шагом отправившись в переднюю, отыскал нашего казачка<sup>15</sup> Юшку и подарил ему часы!

Юшка стал было отказываться; но я ему объявил, что, если он не возьмет у меня этих часов, я сию же минуту раздавлю, растопчу их ногами, расшибу их вдребезги, брошу в помойную яму! Он подумал, хихикнул и взял часы. А я возвратился в нашу комнату и, увидав Давыда, читавшего книгу, рассказал ему свой поступок.

Давид не отвел глаз от страницы и опять, пожав плечом и улыбнувшись про себя, промолчал, что часы, мол, твои, и ты в них волен.

Но мне показалось, что он уже немножко меньше презирал меня.

Я был вполне убежден, что никогда более не подвергнусь новому упреку в бесхарактерности, ибо эти часы, этот гадкий подарок моего гадкого крестного, мне вдруг до такой степени опротивели, что я даже никак не в состоянии был понять, как мог я сожалеть о них, как мог выканючивать их у какого-то Трофимыча, который к тому же еще вправе думать, что обошелся со мною великодушно!

---

<sup>15</sup> *Казачок* – крепостной мальчик, взятый в услужение в барский дом.

Прошло несколько дней... Помнится, в один из них достигла и до нашего города великая весть: император Павел скончался, и сын его, Александр, про благодущие и человеколюбие которого носилась такая хорошая молва, вступил на престол. Весть эта страшно взволновала Давыда: возможность свидания, близкого свидания с отцом тотчас представилась ему. Мой батюшка тоже обрадовался.

– Всех ссыльных теперь возвратят из Сибири и брата Егора, чай, не забудут, – повторял он, потирая руки, кашляя и в то же время словно робея.

Мы с Давыдом тотчас бросили работать и ходить в гимназию; мы даже не гуляли, а всё сидели где-нибудь в уголку да рассчитывали и соображали, через сколько месяцев, сколько недель, сколько дней должен был вернуться «брат Егор», и куда было ему писать, и как пойти ему навстречу, и каким образом мы начнем жить потом? «Брат Егор» был архитектором; мы с Давыдом решили, что ему следовало переселиться в Москву и строить там большие училища для бедных людей, а мы бы пошли ему в помощники. О часах мы, разумеется, забыли совершенно, к тому ж у Давыда завелись новые заботы... о них речь впереди; но часам было еще суждено напомнить о себе.

## VII

В одно утро, мы только что успели позавтракать – я сидел один под окном и размышлял о возвращении дяди – апрельская оттепель пáрила и сверкала на дворе, – вдруг в комнату вбежала Пульхерия Петровна. Она во всякое время была очень проворна и егозлива, говорила пискливым голоском и все размахивала руками, а тут она просто так и накинулась на нас.

– Ступай! ступай сейчас к отцу, сударь! – затрещала она. – Что это за шашни ты тут затеял, бесстыдник этакой! Вот будет ужо вам обоим! Настасей Настасеич все ваши проказы на чистую воду вывел!.. Ступай! Отец тебя зовет... Сею минутою ступай!

Ничего еще не понимая, последовал я за теткой, – и, перешагнув порог гостиной, увидел отца, ходившего большими шагами взад и вперед и ерошившего хохол, Юшку в слезах у двери, а в углу, на стуле, моего крестного, Настасея Настасеича – с выражением какого-то особенного злорадства в раздутых ноздрях и загоревшихся, перекосившихся глазах.

Отец, как только я вошел, налетел на меня:

– Ты подарил часы Юшке? сказывай!

Я взглянул на Юшку...

– Сказывай же! – повторил отец и затопал ногами.

– Да, – отвечал я и немедленно получил размашистую по-

щечину, доставившую большое удовольствие моей тетке. Я слышал, как она крякнула, словно глоток горячего чаю от хлебнула. Отец от меня перебежал к Юшке.

– А ты, подлец, не должен был сметь принять часы в подарок, – приговаривал он, таская его за волосы, – а ты их еще продал, бездельник!

Юшка действительно, как я узнал впоследствии, в простоте сердца снес мои часы к соседнему часовщику. Часовщик вывесил их перед окном; Настасей Настасеич, проходя мимо, увидал их, выкупил и принес к нам в дом.

Впрочем, расправа со мной и с Юшкой продолжалась недолго: отец запыхался, закашлялся, да и не в нраве его было сердиться.

– Братец, Порфирий Петрович, – промолвила тетка, как только заметила, не без некоторого, конечно, сожаления, что сердце с отца, как говорится, соскочило, – вы больше не извольте беспокоиться: не стоит ручек ваших марать. А я вот что предлагаю: с согласия почтенного Настасея Настасеича и по причине такой большой неблагодарности вашего сынка – я часы эти возьму к себе; а так как он поступком своим доказал, что недостойн носить их и даже цены им не понимает, то я их от вашего имени подарю одному человеку, который очень будет чувствовать вашу ласку.

– Кому это? – спросил отец.

– А Хрисанфу Лукичу, – промолвила тетка с небольшой запинкой.

– Хрисашке? – переспросил отец и, махнув рукой, прибавил: – Мне все едино. Хоть в печку их бросайте.

Он застегнул распахнувшийся камзол<sup>16</sup> и вышел, корчась от кашля.

– А вы, родной, согласны? – обратилась тетка к Настасею Настасеичу.

– С истинной моей готовностью, – отвечал тот.

В продолжение всей «расправы» он не шевелился на своем стуле, а только, тихонько пофыркивая и тихонько потирая кончики пальцев, поочередно направлял свои лисьи глаза на меня, на отца, на Юшку. Истинное мы ему доставляли удовольствие!

Предложение моей тетки возмутило меня до глубины души. Мне не часов было жаль; но очень уже был мне ненавистен человек, которому она собиралась подарить их. Это Хрисанф Лукич, по фамилии Транквиллитатин, здоровенный, дюжий, долговязый семинарист<sup>17</sup>, повадился ходить к нам в дом – черт знает зачем! «Заниматься с *детьми*», – уверяла тетка; но заниматься с нами он уже потому не мог, что сам ничему не научился и глуп был, как лошадь. Он вообще смахивал на лошадь: стучал ногами, словно копытами, не смеялся, а ржал, причем обнаруживал всю свою пасть, до самой гортани – и лицо имел длинное, нос с горбиной и плос-

---

<sup>16</sup> *Камзол* – часть старинного мужского костюма, род жилета.

<sup>17</sup> *Семинарист* – учащийся в духовной семинарии – учебном заведении, которое готовило служителей церкви.

кие большие скулы; носил мохнатый фризový кафтан<sup>18</sup>, и пахло от него сырым мясом. Тетка в нем души не чаяла и величала его видным мужчиной, кавалером и даже гренадером<sup>19</sup>. У него была привычка щелкать детей (он и меня щелкал, когда я был моложе) по лбу – твердыми, как камень, ногтями своих длинных пальцев – и, щелкая, гоготать и удивляться: «Как это у тебя, мол, голова звенит! Значит: пустая!» И этот-то олух будет владеть моими часами! Ни за что! – решил я в уме своем, выбежав из гостиной и взобравшись с ногами на кроватку, между тем как щека моя разгоралась и рдела от полученной пощечины, а на сердце тоже разгоралась горечь обиды и жажда мести... Ни за что! Не допущу, чтобы проклятый семинар надругался надо мною... Наденет часы, цепочку выпустит по животу, станет ржать от удовольствия... Ни за что!

Все так; но как это сделать? как помешать?..

Я решился украсть часы у тетки!

---

<sup>18</sup> *Фризový кафтан* – кафтан из грубой ворсистой ткани вроде байки.

<sup>19</sup> *Гренадер* – солдат гренадерского полка. В гренадеры подбирались солдаты очень высокого роста.

## VIII

К счастью, Транквиллитатин на ту пору отлучился куда-то из города; он не мог прийти к нам раньше завтрашнего дня; нужно было воспользоваться ночью! Тетка не запиралась у себя в комнате, да и у нас в целом доме ключи не действовали в замках; но куда она положит часы, где спрячет? До вечера она их носила в кармане и даже не раз вынимала и рассматривала их; но ночью – где они ночью будут? Ну, уж это мое дело отыскать, думал я, потрясая кулаками.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.